

Н. В. Суржикова

ЭКОНОМИКА СОВЕТСКОГО ПЛЕНА: АДМИНИСТРИРОВАНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ

Вплоть до конца XX в. продиктованная политико-идеологическими императивами установка на стерилизацию прошлого страны превратила советский плен Второй мировой войны в маргинальную тему, имевшую негативную маркировку в общественном сознании и надолго исключенную из поля зрения профессиональных историков. Лишь прошедшее двадцатилетие, ставшее временем открытия целого ряда ранее заповедных страниц отечественной истории, реабилитировало и актуализировало эту проблематику¹. При этом по названию большинства изданных в последнее время работ можно предположить, что в эпицентре исследовательского интереса стабильно пребывают прежде всего военнопленные с их индивидуальным, групповым или коллективным опытом, что, однако, опровергает контент подавляющей части специальных публикаций. Они посвящены в большей степени обстоятельствам плена, нежели собственно узникам войны. Во многом это обусловлено характером наличествующих источников, ориентирующих на восприятие плена прежде всего как истории лагерей, создание которых стало результатом «опредмечивания» соответствующих замыслов и процессов.

Большинство авторов, таким образом, сфокусировалось на изучении институциональной – в ее классическом «постдюркгеймовском» и «донортоновском» понимании – среды плена, упуская из вида его функционал. Функциональная же сторона ретроспективного явления, на мой взгляд, имеет не менее принципиальное значение, поскольку плен, как и всякий социальный институт, «складывается как выполняющая определенные функции устойчивая структура соци-

---

¹ Библиография темы см., к примеру: Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 287–345.

альных действий»². Прагматический дрейф в историю советского плена Второй мировой войны позволяет без особого труда квалифицировать его как институт, выполнявший как минимум три функции: режимную, экономическую и манипулятивно-идеологическую, или, используя лексику А. Хильгера, военную, пропагандистскую и в отдаленной перспективе внешнеполитическую, а также политико-экономическую³.

Идентифицируя советский плен Второй мировой войны как вполне состоявшийся в функциональном плане, следует признать, что его конкретно-исторические характеристики определялись главным образом военно-экономическими условиями, в которые была поставлена страна, предопределившими в свою очередь приоритет экономических задач плена над всеми прочими. Инфраструктура плена изначально формировалась для того, чтобы обеспечить организацию массового труда. В угоду ей трансформировались режим и условия содержания пленников, а так называемая политико-воспитательная работа среди них, помимо далеко идущих планов формирования из вражеских военнослужащих борцов за светлые социалистические идеалы, предусматривала еще и максимально возможную конвертацию человеческого капитала в материальные блага посредством стимулирования «рекордов труда». Любой специалист, изучающий советский плен, знает, что перед политотделами лагерей, помимо задачи «перевоспитания» военнопленных, в качестве первоочередной была поставлена задача развертывания среди них трудового соревнования, которым, к примеру, в Свердловской области по итогам 1947 г. было «охвачено» 25 539 человек, или 85,2 % от общего количества работавших здесь военнопленных. В целях поощрения военнопленных выплачивались премиальные и предоставлялись всевозможные поблажки (временное «расконвоирование», выходные дни, «отпуска» за пределы лагерной зоны и т. д.). Кроме того, в лагерях была введена дифференцированная выдача продовольствия, а именно хлебной пайки, размер которой напрямую зависел от объема выполненной военнопленным работы и колебался в пределах 0,4–0,9 кг⁴.

Эти факты, помимо всего прочего, свидетельствуют о том, что экономическая составляющая плена – нечто большее, нежели только

---

² Гавра Д. П. Понятие социального института // Регион: Экономика, политика, идеология. 1999. № 4–5. С. 21. См. также: Глотов М. Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19; Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 4–27; и др.

³ Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: Новые исследования. М., 2009. С. 156.

⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 118; Оп. 19а. Д. 26^л. Л. 48; и др.

производственная деятельность лагерей. Экономика плена, «каркас» которой задавала интеграция военнопленных в трудовые процессы, предполагала также сообразную систему потребления и администрирования, которые не могут механически отторгаться друг от друга. В этой связи рассмотрение администрирования, производства и потребления в модусе единого является необходимым условием для того, чтобы определить место экономики плена в сталинской экономике принудительного труда и экономике вообще. Попыткой двигаться в этом направлении стали исследования, основанные на документах НКВД–МВД СССР⁵. В них можно найти примеры парадных отчетов НКВД–МВД об экономике плена: «...Показатели трудового использования пленных впечатляют. За 1944–1949 гг. они добыли 98,5 млн т угля, построили 450 км Байкало-Амурской магистрали, заготовили 7 млн куб. м леса, ввели в эксплуатацию 2100 км асфальтобетонных дорог со всеми техническими сооружениями, участвовали в строительстве Владимирского тракторного, Челябинского и Закавказского металлургических комбинатов, Амурстали, Джезказганского медеплавильного завода, Богословского алюминиевого завода и других предприятий. Они выполнили работы по введению в строй Севанской, Дзауджикаузской, Фархадской, Сочинской и ряда других гидро- и теплоэлектростанций... На советскую науку работали 1300 инженеров и научных работников, которые представили свыше 100 научно-технических предложений, получивших высокую оценку научно-исследовательских организаций и одобренных для использования в народном хозяйстве СССР. По данным МВД СССР, в 1943–1950 гг. военнопленные отработали более 1 млрд человеко-дней, заработали более 16 млрд руб. Стоимость выполненных ими работ и произведенной их руками продукции в 2,2 раза превысила затраты, направленные на содержание лагерей и спецгоспиталей системы ГУПВИ»⁶.

Однако приводимые тоннажно-километрово-рублевые параметры, якобы достаточные для описания экономической составляющей деятельности системы УПВИ–ГУПВИ СССР, на самом деле таковыми не являются. Будучи не более чем абсолютными цифрами, они только в самом общем виде характеризуют производственную деятельность лагерей и явно требуют корреляции с какими-либо альтернативными данными. К их числу относится, например, первич-

---

⁵ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. Волгоград, 2002.

⁶ Кузьминых А. Л. Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 129–141.

ная статистика с мест, которая, кстати, не подтверждает процветание экономики плена, скорее наоборот⁷. Результативность функционирования отдельных сегментов какой бы то ни было системы и всей системы в совокупности рассчитываются по-разному, и это подтвердит любой экономист, независимо от того, кем он в большей степени является – теоретиком или практиком. Описывающие экономику суммарные показатели, таким образом, не могут рассматриваться как исчерпывающие для оценки экономики УПВИ/ГУПВИ СССР в целом.

Стационарность лагерей изначально предполагала системность, ординарность расходов на их содержание, что, однако, не исключало экстраординарных, чрезвычайных «залагерных» расходов (обеспечение аппарата управления, перевозок, почтовых сношений, репатриации, судебных процессов над военнопленными и т. д.), в связи с чем советский плен как система хозяйствования балансировал между сметной и авансовой моделью, так до конца и не став чем-то определенным. Его беспрестанные коррекции, выразившиеся бесконечной чередой циркуляров и директив соответствующего ведомства⁸, во многом были следствием того, что пленным иностранцам отводилось неопределенное, поэтапно изменявшееся в зависимости от военной, политической и экономической конъюнктуры в 1939–1941 гг., 1941–1945 гг., 1945–1949 гг. и, наконец, в 1949–1956 гг.

Боле или менее прозрачной политика «партии и правительства» в отношении узников войны стала только в 1946 г., после широко известной сталинской директивы о том, что ни один из немецких военнопленных в СССР не должен больше умереть⁹. Высказывается мнение, что тем самым пленные иностранцы были поставлены в привилегированное положение в сравнении не только с заключенными ГУЛАГа, но и некоторыми категориями свободных граждан,

---

⁷ См. об этом, к примеру: Суржикова Н. В. Трудоеmployзование иностранных военнопленных Второй мировой войны: мифы и реальность (на материалах Среднего Урала) // Уральский исторический вестн. (Екатеринбург). № 9. 2003. С. 271–273; Она же. Труд иностранных граждан в СССР в 1945–1956 гг.: проблемы изучения // Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 252.

⁸ См.: Сборник приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных в лагерях НКВД. М., 1945; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000; Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР (1939–1953): Русский архив. Т. 24: Великая Отечественная. Т. 13. М., 1996.

⁹ См.: Boehme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg. Bd. VII. Muenchen, 1966. S. 109.

недоумевавших, почему «пленные немцы получают на пайки хлеба в два раза больше, чем иждивенцы»¹⁰. Военнопленным, указывает А. К. Соколов, «надо было обеспечивать определенные стандарты существования, испытывая постоянное давление со стороны мирового общественного мнения»¹¹. Не стоит, однако, игнорировать тот очевидный факт, что любые стандарты условны и зачастую существуют только на бумаге. Инвестиции в экономику плена, а именно в ту ее часть, которая была связана с потреблением, прогрессировали далеко не столь стремительно, чтобы обеспечивать международные стандарты, которые если и обеспечивались, то главным образом за счет постепенно сокращения с 1946 г. числа заключенных системы ГУПВИ. Источники свидетельствуют, что стандартизированное, нормированное потребление, нацеленное на эффективное использование небогатых ресурсов, благом для пленных на самом деле не стало. Как указывают П. Гетрелл и М. Харрисон, степень централизации всей советской системы нормирования оставалась скорее кажущейся, нежели реальной. Нормы были умозрительными, насколько их реализовывать, решали на местах¹². В этой связи потребление в пространстве плена из нормированного быстро превратилось в ограничивающее и даже деградированное, когда недостающие или попросту разворованные продукты сплошь и рядом отоваривались малокалорийными и неполноценными заменителями. В лагерях Свердловской области, к примеру, в 1946 и 1947 г. овощи и картофель на 50 % заменялись дикорастущей зеленью, или, грубо говоря, травой¹³. Такое положение вещей неизбежно вело к формированию альтернативной системы потребления, основанной на натуральном обмене между военнопленными и местным населением. По подсчетам специалистов, так называемые местные ресурсы в структуре потребления советских граждан составляли в годы войны и в первые годы после нее порядка 30–46 %¹⁴, поэтому не будет преувеличением сказать, что трансформации экономики советского плена тенденционно совпадали с трансформациями советской экономики вообще. Масштабы развития в рамках экономики плена своего рода «теневой экономики» или «черного рынка» не поддаются какой-либо шкальной оценке, но порядок

---

¹⁰ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике, 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 53.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Gatrell P., Harrison M. The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View // The Economic History Review. Vol. 46. № 3 (Aug., 1993). p. 445.

¹³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 192–193.

¹⁴ Соколов А. К. Указ. соч. С. 49; Gatrell P., Harrison M. Op. cit. P. 446–447.

цифр в данном случае не особенно принципиален. Принципиально другое. Формирование в структурах плена несанкционированных властью институтов и практик запечатлело тот факт, что аналогичные им легитимные практики и институты были недостаточно эффективны, грозя неожиданными экстерналиями.

Надо сказать, что проблема эффективного управления для системы УПВИ/ГУПВИ была намного актуальней, чем для системы ГУЛАГа, одной из главных предпосылок «долгожительств» которого являлась возобновляемость, неисчерпаемость людских ресурсов. Похвастаться этой особенностью ведомство, последовательно возглавлявшееся П. К. Сопруненко, И. А. Петровым, М. С. Кривенко, Т. Ф. Филишовым и А. З. Кобуловым, не могло, что требовало выработки более оптимизированных схем управления человеческими и прочими ресурсами. Однако едва ли не единственным изобретением из этой серии стало трудоустройство пленных в основном на так называемых контрагентских работах. Ситуация, когда жизнеобеспечение трудового фонда лагерей возлагалось на одну структуру, в то время как все остальные при минимуме издержек стремились выжать из него максимум возможного, порождала противоречие, которое, вероятно, должно было иммунизировать военнопленных от хищнической эксплуатации. Но то, что лагеря УПВИ/ГУПВИ в большинстве своем не были производственными комплексами, а лишь «сдавали в аренду» свои контингенты, в действительности отнюдь не способствовало своевременному отзыву военнопленных с тех объектов, где их физическое сохранение было затруднено. Конфликт интересов тех, кто предоставлял пленных для работ, с одной стороны, и тех, кто использовал их на работах, с другой стороны, часто приводил к тому, что люди снимались с работ, а неблагоприятные зоны закрывались не с первыми признаками локальной гуманитарной катастрофы, а уже после нее, когда что-либо исправлять было слишком поздно. Так, в частности, случилось в Свердловской области, где лагерные отделения в 5 из 13 действовавших здесь лагерей (отделение № 5 Артемовского лагеря № 523, № 5 Алапаевского лагеря № 200, № 1 Карпинского лагеря № 504, № 4 Кировградского лагеря № 377, № 2 Уральского лагеря № 245) были расформированы только тогда, когда смертность среди содержащихся здесь военнопленных увеличилась вдвое¹⁵.

Столкновение компетенций или, иначе говоря, отсутствие единоначалия в деле трудового использования военнопленных стои-

---

¹⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 76.

ло экономике плена и плену вообще того единообразия, которое предусматривалось всевозможными формальными регламентами. Вопреки идентичным структурным и логистическим характеристикам различных лагерей дистанция между качеством «обслуживания» их контингентов, равно как и «предлагаемыми» им условиями труда, могла быть весьма и весьма протяженной. Больше того, такая картина могла наблюдаться в пределах одного и того же лагеря, отделения и подкомандировки которого были инвариантно ориентированы производственно. Сообразуясь с этим фактом, а также с обязательной для документов официального делопроизводства риторикой борьбы за повышение трудоспособности военнопленных, позволительно предположить, что задачи эффективного управления человеческими ресурсами и прочими благами, призванными обеспечить рост трудового фонда лагерей, оказались для УПВИ/ГУПВИ непосильными. Мемуары бывших военнопленных, неоднократно подчеркивая, что норма, узус и казус в пространстве советского плена имели паритетное право на существование, вообще указывают на управляемость экономики плена лишь на самом низовом уровне организации¹⁶. Но считать это наблюдение откровением не приходится.

Как и советская экономика в целом, экономика плена серьезно страдала от всецентрализации, милитаризации и бюрократизации административных практик и институтов, лишенных маневра и гибкости¹⁷. Проецируя свою властную волю на места, УПВИ/ГУПВИ не оставляло никакой возможности альтернативным инициативам «снизу». В условиях же, когда статистика и география плена постоянно менялись, маневр и гибкость, рассматривавшиеся руководством УПВИ/ГУПВИ как опасные излишества, были бы полезны. Это продемонстрировал пример Свердловской области, где военнопленных в 1942 г. разместили без учета рекомендаций областного руководства, следование которым, вероятно, помогло бы предотвратить гибель

---

¹⁶ См., напр., переведенные на русский язык воспоминания: Герлах Х. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945–1946 гг. М., 2007; Биркемайер В. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного. М., 2005; Шейдербауер А. Жизнь и смерть на Восточном фронте. Взгляд со стороны противника. М., 2007; Пехман И. «Давай, давай!» Мой плен на Урале 2 мая 1945 – 17 декабря 1947 // Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале... С. 346–402; и мн. др.

¹⁷ См. подробнее: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 99–101.

2278 человек или по крайней мере снизить число умерших¹⁸. Ставка на универсализм оргрешений, которые трактовались как действенные в любых условиях, обнажала тот безрадостный факт, что «наверху» всякая местная специфика неведома или как минимум безынтересна. Иллюзия диалогичной коммуникации между различными звеньями многосложной цепи лагерных, внелагерных и надлагерных структур плена напрямую способствовала переключению экономики плена в сферу голого администрирования, исключая выбор таких моделей экономического поведения, которые позволили бы максимизировать функцию полезности как указанных структур, так и собственно военнопленных.

Эффективность экономики плена существенно лимитировалась благодаря тому, что в ее рамках сугубо механически воспроизводились те практики и институты, которые прошли многолетнюю апробацию в пространстве ГУЛАГа. При этом социо-правовые асимметрии в положении узников ГУЛАГа и ГУПВИ были не в счет. В этой связи производственную деятельность лагерей военнопленных по многим параметрам достаточно сложно сопоставить с деятельностью обычных хозяйственных органов: военнопленные использовались в наиболее трудоемких процессах, нередко в условиях, близких к экстремальным; там же, где узникам войны приходилось работать бок о бок с советскими гражданами, первым оставлялись более сложные участки работ; правила тарифного регулирования цен на труд военнопленных, как и заключенных ГУЛАГа, сознательно нарушались, позволяя не выплачивать как тем, так и другим их заработок в полном объеме. Еще больше экономика плена тяготела к экономике ГУЛАГа в плане ресурсоемкости. И в том и в другом случае искомые показатели достигались не за счет производительности труда, а прежде всего за счет увеличения живой массы труда и часто ненормируемых временных затрат. Классическая для любого производства проблема управления поведением исполнителя решалась посредством внеэкономического принуждения и квазиэкономического стимулирования. При этом, как и в ситуации с искусством управления в целом, в искусстве принуждения и стимулирования система была совершенно безыскусна. «Неоварваризация» отношений между нанимателями и нанимаемыми в данном случае и не предполагала никакой искусности, ограничивая их арсенал примитивным набором тактик и стратегий. Экономика плена в той ее части, которая была

---

¹⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 57; Ф. 9. Оп. 1. Д. 66. Л. 1-2; РГВА. Ф. 1п. Оп. 6з. Д. 5. Л. 21-23.

связана с производством, развивалась в соответствии с логикой, уже известной человечеству: чем выше издержки прямого контроля над принудительным трудом, тем сильнее результаты этого труда отклоняются от искомого коэффициента полезного действия. Труд военнопленных обходился дороже дорогого, что чиновники УПВИ/ГУПВИ, безусловно, знали, маскируя это неприятное знание за абсолютными показателями функционирования экономики плена, в то время как сравнительные показатели, основанные на подсчете вложенного «на входе» и полученного «на выходе», оставались без внимания. Рассматриваемая же через призму последних, экономика плена не может позиционироваться иначе, чем экономика дисбаланса, «доходность» которой оценена западными специалистами дефицитом в 2,2 млрд руб.¹⁹ Исходя из «эпитетов» ресурсосбережения и рациональности, можно и вовсе обойтись без эконометрического анализа экономики плена, поскольку вполне достаточным свидетельством ее неэффективного строения и действия могут считаться «валовые» показатели безвозвратных потерь, понесенных трудовым фондом лагерей военнопленных в связи с их смертью.

«Есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен...», – допускает Р. Конквест²⁰. Опыт же развития экономики советского плена показывает, что система экономических отношений, основанных на принудительном труде, а также ограниченном потреблении и жестком администрировании может быть лишь относительно выгодной и результативной. При том ее выгода и результативность будет тем больше, чем менее систематична будет эта система. Спорадическое использование подневольного труда в сочетании с названными выше ограниченным потреблением и директивным управлением, очевидно, имеет право быть, в то время как их регулярное и масштабное использование угрожает экономике эрозией основополагающих экономических механизмов. В этой связи при разговоре об экономике советского плена речь должно вестись не столько об ее эффективности, сколько об определении границ этой эффективности, а также выявлении факторов, которые повышали или понижали ее градус. Это в свою очередь требует не только нового прочтения источников, но и расширения горизонтов исследования, что позволило бы сопоставить эффективность экономики советского плена 1941–1956 гг. со схожими моделями хозяйствования, к числу которых можно, к примеру, отнести экономику российско-го плена 1914–1922 гг. Перспектива такого исследования тем более

---

¹⁹ Хильгер А. Указ. соч. С. 161.

²⁰ Conquest R. The Great Terror: Reassessment. London, 1990. P. 333.

важна, что возможности для нее уже открыты работами Г. Вурцера, Г. Дэвиса, Х. Лейдингер, В. Мориц, Р. Нахтигала, А. Рачамимова и целого ряда других авторов, более или менее полно реконструировавших предысторию истории принудительного труда в сталинском СССР²¹.

---

²¹ См.: Davis G. Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921 // *Eastern European Quarterly*, 21. 1987. S. 147–163; *Essays on World War I: origins and prisoners of war* / Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. New York, 1983; Francescotti R. *Italiani. L'epopea degli italiani dell'esercito austro-ungarico prigionieri in Russia nella Grande Guerra 1914–1918*. Valdagno, 1994; *In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar, 2008; Nachtigal R. *Die Murmanbahn Die: Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918)*. Grunbach, 2001; Nachtigal R. *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen*. Remshalden, 2003; Rachamimov A. *POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front*. Oxford, 2002; Wurzer G. *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg*. Göttingen, 2005; и др.